

своей направленности тексте "Пророчества горшечника": в нем македонское владычество – это не отнюдь не счастливое начало четвертого, а бедственный финал третьего цикла истории Египта, за которым последует его освобождение царем-египтянином; при этом обетование подобного завершения этих бедствий оказывается отнесено к ключевым моментам истории Египта, актуальным и для ее "академичной" версии Манефона, – в "Пророчестве ягненка" ко времени Бокхориса, в "Пророчестве горшечника" ко времени Аменофиса. Оба эти момента красноречиво показывают, что схема исторического развития, которой руководствовался Манефон, была всеобщей в осмыслении (как "академичном", так художественном и пропагандистском) египтянами исторического развития своей страны. Наконец, характерно, что и Манефон, и многие других "версии" рассмотренной нами исторической схемы в значительной мере связывают бедствия Египта во времена его кризисов с наступлением господством чужеземцев. Подобный акцент вводил в данную схему долю предостережения против вовлечения Египта в активные контакты (хотя бы и экспансионистские) с окружающим миром. "Неизоляционистская" версия циклической концепции истории Египта, представлена, по сути дела, лишь рассматривавшимся нами "циклом Сесонхосиса-Александра"; однако эта схема была, без сомнения, слишком специфична и очевидно фиктивна, чтобы стать базовой для восприятия египетского прошлого.

1. Ассман Я. Египет: Теология и благочестие ранней цивилизации. – М., 1999. 2. Берлев О.Д. Древнейшее описание социальной организации Египта // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. Сб. ст. – М., 1984. 3. Демидчик А.Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. – СПб., 2005. 4. Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. – М.; Берлин, 2005 (Pontus septentrionalis, 3). 5. Ладынин И.А. Легенда о царе Аменофисе (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F. 1) и финал второго тома труда Манефона // Петербургские египтологические чтения 2007-2008: памяти О.Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады. – СПб., 2009 (Труды Государственного Эрмитажа, 45). 6. Ладынин И.А. "Отплатят за наосы богов Ниневии, в округе аморитов...": Об исходе бедствий Египта в "Оракуле ягненка" // Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. – М., 2010. 7. Немировский А.А. Гиксосы: вопросы именования и происхождения // Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций. Сб. ст. – М., 2001. 8. Berg B. An Early Source of the Alexander Romance // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1973. – Vol. 14. 9. Gardiner A.H. The Royal Canon of Turin. – Oxford, 1997. 10. Felber H. Die Demotische Chronik // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten. – Leuven, 2002 (Orientalia Iovanensia analecta, 107). 11. Gozzoli R. The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070–180). Trends and Perspectives. – L., 2006 (Golden House Publications, Egyptology, 5). 12. Jasnow R. The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // Journal of Near Eastern Studies. – 1997. – Vol. 56. 13. Ladynin I.A. Sesostri–Sesonchosis–Sesoosis: The Image of the Great King of the Past and Its Connotations of the Libyan Time in Egypt // Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. –Vol. 5. – Moscow, 2010. 14. Posener G. Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe dynastie. – P., 1956. (Bibliothèque de l'école des hautes études, 307). 15. Wildung D. Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt. – Bd. 1. B., – 1969 (Münchener ägyptologische Studien, 17).

Надійшла до редколегії 13.03.12

О. Малюгин, канд. ист. наук, доц.
(г. Минск, Беларусь)

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БРИТТОВ (ПО "ИСТОРИИ БРИТТОВ" НЕННИЯ)

Статья посвящена рассмотрению представлений жителей кельтских районов Британских островов о римской истории и культуре и их влиянии на политическую ситуацию того времени (VIII–IX вв.)

The article deals with representations of the inhabitants of the Celtic regions of the British Isles about Roman history and culture and their influence on the political situation at that time (VIII–IX cc.)

Произведение, известное в науке как "Historia Brittonum" и приписываемое Неннию [16], является одним из важнейших источников по истории Британских островов в раннем средневековье. Оно посвящено тому периоду в истории, который получил название "темных веков" и, соответственно, крайне слабо освещен в источниках. Историки располагают, прежде всего, материалами Гильдаса [5] и Беды Достопочтенного [2], которые в совокупности с археологическими данными составляют остоу наших знаний о Британии в те смутные времена. В данной ситуации крайне важно вовлекать в научный оборот сведения, которые имеются в других работах, созданных в период раннего средневековья. Труд "Historia Brittonum" как раз и является таким произведением, которое привлекает к себе пристальное внимание исследователей, но по сей день не получило однозначного толкования. Вполне можно согласиться с Н. Чадвик, которая отметила еще 50 лет тому назад: "Можно с уверенностью сказать, что ни одна из проблем раннегосподневековья не представляет больших трудностей, чем история происхождения и истории текста "Истории бриттов" [4, с.37]. До конца не ясно ни точное время составления произведения, ни имя его автора (условно принято считать его автором уэльского клирика Ненния, жившего в первой половине IX века), ни точные источники сведений, на которых базируется рассказ "Historia Brittonum".

"История бриттов" – произведение синхронизирующей истории, в рамках которой автор (или компилятор) попытался создать историю Британии, опираясь на широкий круг источников, как островных (кельтские и англо-саксонские хроники, королевские родословные, народные предания), так и континентальных (труды Павла Орозия, Проспера Аквитанского, Иеронима). Мало кто сомневается, что в утерянных к нашему времени источниках, использованных Неннием, содержалась важная информация. Однако автор "Historia Brittonum" пересказывает без особого критического отношения все, что он читал, слышал от других или видел собственными глазами, допуская при этом огромное количество ошибок. Именно эти ошибки дали возможность ряду историков обвинять его в полной некомпетентности, а его произведению отказывать в маломальской исторической достоверности. Но даже его ошибки, когда мы внимательно посмотрим на них, дают в распоряжение исследователей уникальный материал – они проливают свет на то, как именно представлял себе историю своего народа и страны один из образованных представителей одного из темнейших и запутанных периодов британской истории.

В данной работе речь пойдет преимущественно о рецепции римской культуры в раннегосподневековом Уэльсе, где и был создан первоначальный текст произведения, и об отражении этого процесса в "Historia Brittonum".

"Historia Brittonum" и латынь. Прежде всего, стоит помнить, что "История бриттов" была написана на латыни – языке науки и культуры того времени. Общеизвестно выражение Гильдаса применительно к латыни – "наш язык". Гильдас писал на грамматически правильной и риторически отточенной латыни, с помощью которой обличал грехи и прихоти бриттских королей и священнослужителей [12]. И в последующие века на кельтских территориях существовало минимум две группы ученых, чьим основным языком была латынь, хотя они и пользовались валлийским языком для составления глосс и marginalia (надписей на полях рукописей) [13].

Ситуация в IX веке не изменилась, что видно по произведению Ненния и трудам еще одного уэльсца – Ассера, автора биографии Альфреда Великого. Они оба показывают хорошее знание латыни, гораздо лучшее, чем у многих из их английских современников [3, с.171-174]. Более того, Д. Дамвилл отмечает "uniform Latinity" труда Ненния. Любой читатель оригинального текста будет удивлен, насколько легче читать произведение Ненния, чем, например, труд Гильдаса, Беды или "Житие св. Самсона", написанное в VIII в. [10, с.925].

Восприятие римской культуры и истории в "Historia brittonum". Первую часть своего труда Ненний посвятил размышлениям о происхождении народов, населявших Британию, а также краткому изложению истории римского владычества на острове (HB, ch. 1-31). Этот материал можно разделить на три части:

- эпонимические легенды и генеалогии, включая два основных варианта происхождения бриттов (HB, ch. 10-11 и 17-18);
- перечень римских императоров, которые посещали Британию, наряду с некоторыми историческими фактами (HB, ch. 19-27);
- отношения между бриттами и римлянами в конце IV – начале V века и конец римского господства на острове (HB, ch. 28-31)

Описание Британии было заимствовано преимущественно у Гильдаса (De Exs., 3), хотя Ненний дополнил его некоторыми новыми сведениями, из которых наиболее важна "тройная легенда" о происхождении бриттов и рассказ об их эпонимическом основателе Бритте (HB, ch. 10-11). В этом разделе Ненний предпринимает попытку свести воедино британские и римские мифологические сюжеты. При этом стоит отметить, что он имел доступ к хорошей анналистической традиции – точно определяет время правления Энея в Лации тремя годами и знает, что всех королей Альбы после сына Энея звали Сильвиями. Но сама легенда – кельтская по духу, она делает ранее неизвестного внука Энея по имени Бритт (или Брут) родоначальником жителей далеких островов, куда он был вынужден бежать после смерти Сильвия и его супруги (ch. 10). В главе 11 синхронизация римской и бриттской истории Неннием продолжена: он называет преемником Сильвия и, соответственно, братом Бритта, Постума. Это имя не появляется ни в одном из римских династических списков и означает "родившийся после смерти своего отца". Согласно Ф. Барбьеру, этот текст попал в руки Ненния в готовом виде – как перевод на латинский язык кельтской поэмы о страданиях и странствиях Бритта [1].

Из собственно римской истории у Ненния приведены только отрывочные факты. В главах 19-21 повествуется о вторжениях на остров Юлия Цезаря и Клавдия, а в главе 23 речь идет о деятельности на острове Септимия Севера. Упоминает автор сюжет о крещении короля бриттов Луция в 167 г. – наиболее вероятно, что

этот факт Ненний почерпнул из труда Беды Достопочтенного (см.: HE, I, 5).

Он всячески пытается связать историю бриттов с римской историей, хотя тут трудно отделить его желание от элементарных ошибок при передаче письменной традиции. Так, в главе 19 он упоминает Долобелла, которого называет "proconsul regi Brittannico" (стоит отметить, что в русском переводе А.С.Бобовича Долобелл превращается из проконсула в военачальника короля бриттов Беллина). Все исследователи единодушны, что в данном случае это имя попало в "Историю бриттов" ошибочно, а под именем Долобелла следует понимать Публия Корнелия Долабеллу, известного деятеля эпохи Поздней республики в Риме. Но откуда Ненний вычитал его имя? В рассказе Павла Орозия о походах Цезаря в Британию, который, скорее всего, лежал в основе соответствующего пассажа Ненния (Hist. Adv. VI, 8-9) имени Долабеллы нет. Он появляется в тексте Орозия позднее, в 15 главе той же шестой книги, когда Павел повествует о временах гражданской войны в Риме. Следует предположить, соответственно, что либо Ненний прочитал весь труд Павла Орозия, а не только те разделы, что касались походов Цезаря в Британию, либо он пользовался сокращенным вариантом, созданным до него на британской земле, где уже содержалось имя Долабеллы. Второе предположение кажется более предпочтительным, так как не раз отмечалось, что этот раздел труда Ненния носит скорее пробриттский, чем проримский характер.

Ряд других сведений Ненния также полностью запутан и с трудом поддается объяснению. Это касается рассказа о Караузии (названный в тексте Карицием) (HB, ch. 24) и главы, посвященной Константину, сыну Константина Великого (судя по приводимым фактам, автор спутал его с отцом Константина Великого, Константином Хлором) (HB, ch.25). Глава 25 дает также пару любопытных черт об отношении Ненния к римскому прошлому его страны. Он утверждает, что Константин (Констанций Хлор – ?) "тут и умер и его могилу, на надгробном камне которой начертана надпись, оповещающая, что он в ней покоится, показывают близ города Каир Сегейнт. Он зарыл в землю, на которой построен город, как зарывают семена, три клада – золотой, серебряный и медный, дабы в этом городе, носящем также название Минмантон, никогда не было ни одного бедняка" (HB, ch.25). У Константина Великого был сын по имени Константин, правивший империей в 337-340 г., однако он не посещал Британию и погиб в 340 г. близ Аквилеи во время войны со своим братом Константом. А вот отец Константина Великого, Констанций Хлор долгое время провел в Британии, где и скончался в 306 г., правда, не в городе Сегонциум, а в Йорке. Возможно, Ненний спутал с гробницей императора погребение другого Константина, а также обнаруженный в городе клад римских монет. Но и эта ошибка показывает, насколько важно для автора "Historia Brittonum" связать историю уэльских территорий с римскими реалиями.

Главная идея, пронизывающая главы, посвященные римскому периоду, – вероломство бриттов, неоднократно убивавших римских правителей, приводило к печальным последствиям для островитян, так как римляне выводили с острова свои войска и оставляли Британию беззащитной перед ордами завоевателей. Это является прологом к истории о Вортигерне и призвании им саксов и англов на помощь в борьбе с пиктами и скоттами в середине V столетия (HB, ch. 31 и сл.).

Ненний и Магн Максим. Наибольшее внимание автора из всех событий римской истории привлекает дея-

тельность Магна Максима, поднявшего восстание в Британии в 383 г. и захватившего власть почти над всей территорией Западной Римской империи. Ненний посвятил ему три главы своего труда, по объему не уступающие рассказу о Цезаре.

Для Ненния и его источников Максим знаменует переломный момент в истории бриттов. Прежде всего, он является для автора "Historia Brittonum" последним римским императором, правившим на острове: после него стали в Риме править консулы. Во-вторых, он увел с собой воинов и не позволил им вернуться обратно (НВ, ch.27): "...и именно по этой причине чужестранцы захватили Британию и обрекли ее жителей на изгнание, пока бог не придет им на помощь".

В главе 28 Ненний, казалось бы, подводит итог господства римлян в Британии: "После названного Констанция, сбросив с себя ярмо римской власти, они перестали выплачивать дань и принимать поставленных Римом властителей, дабы те правили ими, и римляне не посмели вернуться в Британию, чтобы господствовать тут и впредь, ибо бритты убили их полководцев". Однако в следующей, 29 главе, он вновь обращается к фигуре Магна Максима, путая его с Максимианом, причем в одном и том же абзаце.

Здесь история Максима дополняется подробностями – об убийстве Грациана, о Викторе – сыне и соправителе Максима – и о смерти узурпатора. Эти сведения перемежаются упоминаниями о событиях римской и церковной истории, заимствованными из хроник.

Логично возникает вопрос о причинах столь пристального внимания автора "Historia Brittonum" к личности Магна Максима. Едва ли это можно объяснить именно тем, что Максим, уведя с собой легионы, обрек Британию на завоевание чужестранцами.

Сам Ненний, хотя и следует островной легенде о "семи императорах", пытается совместить ее с известными ему сведениями о других римских императорах. В главе 28 он, видимо, под именем Констанция описывает освобождение бриттов от римского господства после узурпации власти Константином III.

Следовательно, непосредственно Максим в глазах Ненния не мог послужить причиной захвата чужестранцами. Более того, из текста "Historia Brittonum" не вытекает негативное отношение автора к Максиму. Лишь в начале главы 29 говорится: "Необходимо снова повести речь о самодержавном злодее Максимиане" (т.е. Максиме – О.М.). Это, по всей видимости, обращение, заимствованное из хроник, поскольку отношение к Максиму в большинстве из них было резко отрицательным.

Автор "Historia Brittonum", уделяя такое внимание Магну Максиму, отражает общую тенденцию, характерную для Уэльса его времени. В уэльских текстах он выступает под именем *Maxen Wledig*, как великий правитель и прародитель многих уэльских королей. В *Eliseg Pillar* (текст надписи датируется большинством исследователей первой половиной IX века, что совпадает со временем редактирования "Historia Brittonum") он назван "Максимус, который убил короля римлян" и к нему возводятся родословная королей Повиса. В рукописи Harley 3859 староуэльские генеалогии делают Максима родоначальником королей Дифеда, а в бретонском житии святого Гуртиерна, написанном на латыни, он действует как "Maximianus, сын Констанция, сына Елены", становясь, таким образом, далеким потомком св. Елены [9, с.1232-1233].

Дж. Линдсей считает, что такое внимание к персоне Максима неслучайно, и он должен был сделать что-то выдающееся – по версии исследователя, Магн Максим создал группы федератов на северной границе, кото-

рые были обучены римскому военному делу и получили римские *insignia*: Максим стал "их символом роскоши и цивилизации, также как символом их независимости и гордости" [15, с.345-346]. Сходную точку зрения высказывает и Л. Лаинг, который предположил, что Максим мог быть ответственен за организацию и формирование ранних королевств на территории Уэльса и, возможно, приглашение Кунедды [11, с.100].

Правда, эти взгляды ныне критикуются многими кельтологами, которые уверены, что появление имени Магна Максима в уэльских генеалогиях не может рассматриваться как свидетельство каких-либо оборонительных мероприятий, предпринятых им в Британии в конце IV века [7, с.31; 9, с.1233].

Даже если предположить, что Магн Максим не сделал ничего выдающегося на территории Британии, несомненно то обстоятельство, что возведение происхождения уэльских правителей к Магну Максиму отражает осознание преемственности их власти от римлян, как это подчеркивала еще Н. Чадвик [4, с.74].

Был ли Ненний настроен негативно по отношению к римскому прошлому? Этот вопрос был поставлен Майклом Джонсом в своем исследовании "Конец Римской Британии" [8, р.130-134]. Джонс утверждает, что как факты в различных частях труда Ненния, так и общий тон произведения носят ярко выражены анти-римский характер. А это, в свою очередь, должно свидетельствовать об общей анти-римской направленности бриттов как в эпоху империи, так и гораздо позднее.

Точка зрения М.Джонса была подвергнута критике другими исследователями [6, р. 286]. Действительно, сложно представить, чтобы в обществе, в котором создавалась "Historia Brittonum", господствовали анти-римские настроения – ведь к тому моменту прошло уже более четырех веков, как имперское присутствие на острове сошло на нет, а сама империя стала лишь смутной тенью в глазах подавляющего большинства населения Уэльса. Что касается общеевропейской перспективы, то в конце VIII – начале IX века главное внимание уделялось роли папства и возрождению империи под руководством Каролингов. С этой точки зрения маловероятно, что Ненний осознанно мог пропагандировать анти-римские настроения, которые шли вразрез с общей тенденцией западной идеологии.

Едва ли антиримски настроенной могла в то время быть кельтская Церковь. Споры (о дате празднования Пасхи или о форме тонзуры), столь острые двумя веками ранее и так интересовавшие Беду, угли, и церковь Уэльса все более сближалась с римско-католической Церковью [14, р. 25-44]. Уэльская знать IX-X веков не прочь была возвести происхождение своего рода к какому-либо персонажу римской истории (об использовании Магна Максима в таком контексте мы уже упоминали). Следовательно, и церковные, и светские власти едва ли рассматривали римскую эпоху в негативном плане. Такое отношение могло быть характерно для первых десятилетий после ухода римских легионов из провинции, но не для эпохи, отстоящей от этих событий более чем тремя веками.

Таким образом, труд Ненния свидетельствует о продолжавшейся в кельтском обществе традиции изучения и восприятия римской культуры, римской истории, которые становились не только объектом изучения или поклонения, но и обоснованием прав уэльских правителей на суверенное существование перед лицом все усиливающейся англосаксонской угрозы.

1. Barbieri F. History of Britain, 407-597. Introduction: Sources and their Treatment [код доступа: <http://www.geocities.com/vortigernstudies/fabio/introduction.htm>] 2. Bedae Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis

Anglorum / Bedae Venerabilis // Bede Venerabilis. Opera historica. — V.1. — Vaduz, 1964. 3. Brooks, N. The early history of the Church of Canterbury : Christ Church from 597 to 1066 / N. Brooks. — Leicester: Leicester University Press, 1984. — XIV, 402 p. 4. Chadwick N.D. Early Culture and Learning in North Wales / N.D. Chadwick // Studies in Early British Church / by Nora K. Chadwick [and others]. — Cambridge: Cambridge [Eng.] University Press, 1958. — P. 29-120. 5. Gildas. De excidio Britanniae / Gildas // Six Old English Chronicles / Ed. by J.A. Giles. — L.: Henry G. Bohn, 1848. — P. 295-380. 6. Halsall G. Movers and Shakers: the barbarians and the Fall of Rome / G. Halsall // From Roman provinces to Medieval kingdoms / edited by Thomas F.X. Noble. — New York : Routledge, 2005. — P. 277-291. 7. Jenkins G.H. A concise history of Wales / G.H. Jenkins. — Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2007. — xii, 345 p. 8. Jones M.E. The End of Roman Britain/ M.E. Jones. — Ithaca: Cornell University Press, 1996. — IX, 323 p. 9. Kosh J.T. Macsen Wledig / J.T. Kosh // Celtic culture : a historical encyclopedia / John T. Koch, editor. — Santa Barbara, Calif. : ABC-CLIO, c2006. — P. 1231-1233. 10. Kosh J.T. Historia Brittonum / J.T. Kosh // Celtic culture : a historical encyclopedia / John T. Koch, editor. —

Santa Barbara, Calif. : ABC-CLIO, c 2006. — P. 925-927. 11. Laing L.R. The archaeology of late Celtic Britain and Ireland, c. 400-1200 AD / L.R. Laing. — London : Methuen ; [New York]: distributed by Harper & Row, Barnes & Noble Import Division, 1975. — XXVII, 451 p. 12. Lapidge, M. Gildas's Education and the Latin culture of sub-Roman Britain / M. Lapidge // Gildas: new approaches / Ed. by M. Lapidge and D. Dumville. — Woodbridge: Boydell Press, 1984. — P. 27-50. 13. Lapidge, M. Latin Learning in Dark Age Wales: some prolegomena / M. Lapidge // Proceedings of the Seventh International Congress of Celtic Studies. Oxford, 1983 / Ed. by D. Ellis Evans et al. — Oxford: Oxford UP, 1986. — P. 91-107. 14. Lieberman F. Nennius the Author of the "Historia Brittonum" / F. Lieberman // Essays in Medieval History presented to Th. Fr. Tout / Ed. by A. G. Little and F. M. Powicke. — Manchester, 1925. — P. 25-44. 15. Lindsay J. The Romans were Here / J. Lindsay. — N.Y.: Barnes & Noble, 1969. — 2nd ed. — 416 p. 16. Nennius. History of the Britons / Nennius // Six Old English Chronicles / Ed. by J.A. Giles. — L.: Henry G. Bohn, 1848. — P. 383-416.

Надійшла до редколегії 13.03.12

К. Марков, канд. ист. наук
(Нижний Новгород, Россия)

РАССУЖДЕНИЯ ДИОНА КАССИЯ ОБ ИСТОРИОПИСАНИИ (I.1.2, XLVI.34. 5–35.1, LIII. 19.1–6): ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена проблемам перевода и интерпретации ряда пассажей из "Римской истории" Диона Кассия, содержащих размышления автора об историописании.

The paper deals with the problems of translation and interpretation of a number of passages from Dio's "Roman history" containing the author's considerations on the writing of history.

В "Римской истории" Диона Кассия есть ряд пассажей, содержащих размышления автора о том, как писать историю. Эти отрывки вместе с рядом автобиографических фрагментов были переведены на русский язык и опубликованы в 2008 г. в сборнике "Из истории античного общества" [5]. Данная статья представляет собой попытку внести в опубликованную версию перевода некоторые уточнения, важные, как мне представляется, для понимания рефлексии Диона над методами историописания в целом и его собственным творческим опытом в частности. Главная проблема, связанная с переводом упомянутых отрывков — это совмещение литературной обработки текста и точности в передаче смысла. Ниже мы рассмотрим данные пассажи в том порядке, в каком они представлены в тексте "Римской истории".

Ἀνέγνων μὲν πάντα ὡς εἶπεν τὰ περὶ αὐτῶν τις γεγραμμένα, συνέγραψα δὲ οὐ πάντα ἀλλ' ὅσα ἐξέκρινα. μὴ μὲντοι μὴδ' ὅτι κεκαλλιεπημένοις, ἐς ὅσον γε καὶ τὰ πράγματα ἐπέτρεψε, λόγοις κεχρημαί, ἐς τὴν ἀλήθειαν αὐτῶν διὰ τοῦτο τις υποπτεύσῃ, ὅπερ ἐπ' ἄλλων τινῶν συμβέηκεν· ἐγὼ γὰρ ἀμφοτέρω, ὡς οἶόν τε ἦν, ὁμοίως ἀκριβῶσαι ἐσπούδασα.

"Прочитав, можно сказать, всё, что у кого-либо было написано о них, не всё включил я в свою историю, но только то, что посчитал пригодным [для ее целей]. Однако, полагаю, отнюдь не потому, что я воспользовался при ее написании изящными оборотами речи, насколько это позволял ее предмет, написанное сочтут за истину, как это случалось с некоторыми писателями, ибо я старался, насколько это в моих силах, быть одинаково усердным и в том и в другом отношении. Начну же я свой рассказ с того момента, с которого мы имеем наиболее достоверные сведения о той стране, где живем и где был построен город Рим" (I. 1. 2).

Представляется необходимым внести некоторые уточнения, важные для анализа исторического мышления Диона. Во-первых, автор в данном пассаже не употребляет термин "история", хотя это слово неоднократно встречается на страницах его труда. Например, именно так он называет малое произведение, посвященное гражданским войнам 90-х гг. II вв. (LXXII. 23. 2). Сам Дион называет свой труд "Римскими деяниями". Во-вторых, формулировка "то, что посчитал пригодным [для ее целей]" является переводом греческого глагола ἐξέκρινα.

Следовательно, смысл данного предложения состоит в том, что Дион включил в свой труд не все, но лишь "избранное". О своей избирательности автор упоминает довольно часто. Например, он периодически отмечает, какие факты достойны его труда, а какие нет (См. напр.: 42. 19. 3–4, 53. 21. 2 [3, Р. 194]). Также отметим, что в тексте присутствует двойное отрицание. Фраза "сочтут за истину" дословно переводится как "никто не усомнится" (или безлично: "не вызовет сомнения"). Имеется ввиду истинность "изящных оборотов речи", которыми воспользовался Дион (κεκαλλιεπημένοις λόγοις). Английский перевод Э. Кэри, как представляется, более точно передает смысл: даже если Дион писал изящно, истинность его слов не вызовет сомнения, ибо он проявил усердие в обоих отношениях (I trust, moreover, that if I have used a fine style, so far as the subject matter permitted, no one will on this account question the truthfulness of the narrative, as has happened in the case of some writers; for I have endeavoured to be equally exact in both these respects, so far as possible.) [1, V. 1. Р. 3]. Глагол со значением "сомневаться" представляется значимым для понимания данного текста. Вероятно, такая формулировка связана с характерным для ряда античных авторов противопоставлением красочности и объективности повествования. Многие, в том числе Аристотель (Поэтика 9. 1451b1), Полибий (II. 56. 10), Цицерон (О законах I. 1. 5), Петроний (Сатирикон 118) отмечают противоположность целей поэтического творчества и историописания. Поэт создает яркий красочный образ, а задача историка, по словам Полибия, заключается в том, чтобы "принести пользу любознательным читателям правдою повествования" (II. 56. 12). С другой стороны, римский оратор и преподаватель красноречия второй половины I в. Квинтилиан отмечал в своем труде, посвященном воспитанию оратора, что "история близка к поэзии и в некотором отношении представляет собой стихотворение в прозе". Таким образом, Дион, вероятно, был знаком с различными подходами к историописанию, но сам он не видит принципиального противоречия между формой и содержанием своего сочинения.

Следующий отрывок является заключительной частью предисловия к описанию событий Мутинской войны (43 г. до н.э.):